

Разговор о картине

Сюй Чунь ворочался всю ночь и, едва забрезжил рассвет, вскочил с постели. Он долго перебирал одежду в шкафу и наконец выбрал халат из жемчужного атласа гусино-жёлтого цвета с круглым воротом. Причесавшись, он трижды менял шпильку в волосах: золотая и серебряная показались ему слишком вульгарными, и в итоге он остановился на белой нефритовой. К поясу он прикрепил саше с ароматом цитрона. Не позавтракав, он схватил лепёшку и, не дожидаясь кареты, вскочил на коня и поскакал в «Праздное облако».

День выдался на редкость погожий. Хотя была ещё ранняя весна, и утро было прохладным, у берегов озера Чуньмин уже зеленели ивы, окутанные лёгкой дымкой, а персиковые и сливовые деревья цвели, словно туман, — весна вступала в свои права.

Приехав в лавку, Сюй Чунь поднялся наверх и с нетерпением стал ждать у окна. В назначенное время он увидел, как Фан Цзысин верхом сопровождает карету до самого входа.

Сюй Чунь радостно сбежал вниз.

— Доброго дня, старший брат Фан!

— Доброго, наследник Сюй, — улыбнулся Фан Цзысин, спешиваясь. — Спасибо за цзунцзы.

Сюй Чунь подошёл к карете. Уфу откинул полог, и из неё вышел Се И. Заметив, что Сюй Чунь явно нарядился, и его лицо сияет, он улыбнулся.

— Пойдём, поговорим внутри.

Лавка ещё не открылась для посетителей. Сюй Чунь специально назначил встречу на это время, чтобы сначала показать всё Се И.

— Вся лавка состоит из двух частей, — объяснял он, ведя его на первый этаж. — В первом, двухэтажном здании, на первом этаже продаются новые книги, а на втором — старые. Везде есть скамьи, чтобы посетители могли почитать.

Се И окинул взглядом полки. Книг было действительно много, все аккуратно расставлены. Под полками стояли блестящие чёрные скамьи из тикового дерева, явно уже не новые. На втором этаже было множество старых книг. На обоих этажах были устроены тихие комнаты для переписывания, где висели объявления с расценками: сколько можно заработать, переписав ту или иную книгу. Если же книгу уносили с собой, то плата не взималась, нужно было лишь оплатить стоимость бумаги и чернил.

Се И остановился, чтобы прочесть объявление.

— Это не приносит прибыли, — сказал Сюй Чунь. — Это сделано, чтобы привлечь учёных мужей. А где люди, там и деньги.

— Люди придут, — усмехнулся Се И, — но это будут бедные учёные, которые всё равно не потратят ни гроша. Какую же прибыль ты получишь?

Сюй Чунь хитро улыбнулся и повёл Се И по галерее на второй этаж, во внутреннее здание.

— У меня есть один способ. Я продаю членские билеты: один гуань — сто книжных купонов. Эти купоны можно в любой момент обменять обратно на деньги, но если покупать на них книги, картины и товары в моей лавке, то действует скидка в двадцать процентов. К тому же, можно без ограничений сидеть в чайной, читать и переписывать книги.

— А ты находчив, — улыбнулся Се И. — Кисти, тушь, бумага и тушечницы продаются повсюду, но раз у тебя дешевле, да ещё и можно бесплатно читать и переписывать, то, конечно, будут покупать у тебя. А деньги за купоны, полученные тобой, — это, по сути, предоплата. Денежный оборот ускорится, и появляется прибыль.

— Девятый братец тоже разбирается в торговле, — улыбнулся Сюй Чунь. — Действительно, в бизнесе главное — капитал. Если он быстро оборачивается, то можно заработать. Но мой бизнес не бросается в глаза. В столице много влиятельных людей, и я не хочу ненароком перейти кому-нибудь дорогу.

Он показал ему товары на первом этаже.

— Кисти, тушь, бумага и тушечницы — всё упаковано в изящные бамбуковые коробочки. Коробочки стоят недорого, но выглядят гораздо приличнее, чем у других. Многие покупают их в подарок. Товары я привожу из Миня, там всё гораздо дешевле, чем в столице. Конечно, это выгодно только потому, что их доставляют на кораблях моей матери, что экономит расходы на перевозку. Но на самом деле, прибыль приносят не они. Главный доход — от чая и закусок в чайной наверху, ведь людей приходит много.

— А какой у тебя хороший чай? — усмехнулся Се И. — Вели-ка заварить.

— На третьем этаже уже всё готово, — ответил Сюй Чунь.

Се И оглядел полки. Здесь были красиво упакованный чай, целые чайные сервизы, цветная бумага для писем, пресс-папье, кисти, тушь, бумага, тушечницы и другие канцелярские принадлежности, а также саше от комаров и для защиты от злых духов, пеналы, сумки для книг — всё необходимое, и притом очень изящное.

Он взял в руки золотую закладку. Они были выполнены в форме листьев гинкго, красавиц с высокими причёсками, цветов персика, бамбуковых листьев, украшены изящными кисточками и бусинами. Их можно было использовать и как закладки, и как украшения для пояса. Кроме золотых, серебряных и медных, были и закладки из слоновой кости, нефрита, бамбука — изящные и красивые.

— Девятый братец, тебе что-нибудь понравилось? — спросил Сюй Чунь.

— Не нужно, я к таким вещам равнодушен, — ответил Се И.

Сюй Чунь взглянул на Се И, на котором, кроме нефритовой подвески, не было никаких украшений, а одет он был всё в тот же чёрный парчовый халат.

— Девятый братец, ты слишком строг к себе, — смущённо пробормотал он. Неужели он считает меня слишком расточительным?

Се И взглянул на него и улыбнулся.

— Чрезмерное самоограничение может быть признаком больших амбиций. Мне больше по душе твоя прямота. Ты говоришь то, что думаешь, и в этом нет никакой хитрости.

Услышав похвалу, юноша просиял, и его уши слегка покраснели. Воистину, он прост и понятен с первого взгляда, — подумал Се И. А меня с детства учили притчам о мудрецах, которые, видя малое, предвидят великое, и страшились, завидев палочки из слоновой кости.

Самоограничение, добродетель, внутреннее совершенство и внешнее правление, следование небесному закону и подавление человеческих желаний — всё ради того, чтобы стать святым правителем. Уж лучше быть как этот юноша, который просто хочет жить в своё удовольствие.

Они поднялись на второй этаж. Здесь действительно была очень изящная чайная. Столики были отделены друг от друга ширмами, а на стенах висели каллиграфические свитки и картины.

— В отдельных комнатах для знатных гостей можно устраивать литературные собрания, — объяснил Сюй Чунь. — А третий этаж полностью мой. Там есть комната, из которой видно и первый, и второй этажи, и вид на улицу.

Он повёл его на третий этаж, в чайную комнату. Одна из стен была полностью застеклена, и оттуда открывался великолепный вид на озеро. Вдалеке виднелся даже императорский дворец.

Сегодня здесь прислуживали все четверо его слуг: Чуньси, Сячао, Цюху и Дунхай. Они подавали чай, фрукты и сладости. Фан Цзысин же не вошёл, а остался снаружи с Уфу и Люшунем, сказав, что хочет посмотреть товары и купить что-нибудь для домашних.

— Старший брат Фан, — улыбнулся Сюй Чунь, — выбирай всё, что понравится. Мы всё упакуем и доставим в переулок Дэнцао. Тебе не о чем беспокоиться. Или если хочешь отправить кому-то в подарок, только скажи, мы сами доставим.

— Я поверю тебе на слово, — рассмеялся Фан Цзысин. — Смотри, не плачь потом, когда я наберу слишком много.

— Что значит «не плачь»? — возмутился Сюй Чунь.

Фан Цзысин рассмеялся и ушёл вниз с Уфу и Люшунем. Сюй Чунь, оставшись наедине с девятым братцем, почувствовал прилив радости. Он уже собирался отпустить и своих слуг, когда Се И остановил их.

— Подождите. Сначала повесьте подарок, который я принёс. Полюбujemy вместе.

— Девятый братец, зачем ты опять принёс подарок? — удивился Сюй Чунь. — Прошлая картина и книги и так были очень ценными.

— У меня на то свои причины, — улыбнулся Се И и указал на длинный футляр, который Фан Цзысин оставил на столе. — Откройте и повесьте.

Чуньси ловко открыл футляр, достал свиток и, медленно развернув его, повесил на невысокую ширму, чтобы было удобнее рассматривать.

Сюй Чунь встал и подошёл к картине. На первый взгляд, на ней было изображено множество людей. Линии были тонкими и частыми, цвета — старинными и приглушёнными.

— Девятый братец, — с восторгом произнёс он, — как называется эта картина?

— «Игра в шашки за двойной ширмой», — ответил Се И, открывая крышку своей белой нефритовой чашки, в которой были заварены нежно-зелёные чайные листья. — Это копия эпохи Сун, оригинал написал Чжоу Вэньцзюй из Южной Тан. Что это за чай? Горьковат.

— Это молодые побеги бамбука, — ответил Сюй Чунь. — Весной мы сами собираем их в нашем саду в Квартале Бамбуковых Ветвей. Они чистые, выводят жар и токсины. Попробуй, девятый братец. Если не понравится, заменим.

— Ты, ворочающий золотыми горами, угощаешь меня таким простым чаем? — заметил Се И.

— Девятый братец, такой чай я подаю только своим, — ответил Сюй Чунь, не отрывая глаз от картины. — Это вкус весенней природы, свежий и нежный. Ты ведь не любишь излишеств. Скоро будут подавать еду. Ты недавно перенёс отравление, твой желудок ещё слаб. Не стоит

пить крепкий чай перед едой. Этот лёгкий бамбуковый отвар в самый раз. Выпей немного, а то потом не сможешь съесть основное блюдо.

Се И улыбнулся и сделал небольшой глоток.

— Какая прекрасная картина! — восхищался Сюй Чунь. — Картина в картине, ширма в ширме. Неудивительно, что она так называется. И манера письма такая тонкая и твёрдая. Посмотри на складки одежды, они написаны с лёгким нажимом. Это, должно быть, та самая легендарная «дрожащая кисть». И как хорошо написаны люди, все такие изящные, с благородными, спокойными лицами. Сразу видно, что это богатые и праздные люди. Это манера письма эпохи Тан — пышные формы и изящные кости.

— Да, — кивнул Се И, — у этих четверых есть имена.

— Расскажи мне, девятый братец, — попросил Сюй Чунь.

— В центре — правитель Южной Тан, Ли Цзин, — начал Се И. — Отец того самого Ли Юя, который написал «Когда же кончатся весенние цветы и осенняя луна?». Ты ведь знаешь Ли Юя? В той книжке про однополую любовь, что ты читал, была его песня «Цветы в заднем дворе»...

— Знаю, девятый братец, знаю! — поспешно перебил его Сюй Чунь. — Это Ли Цзин. А кто остальные трое?

Се И усмехнулся про себя.

— Остальные трое — его братья. Тот, что смотрит на игру вместе с Ли Цзином, — его третий брат, великий князь Цзинь, Ли Цзинсуй. А играют в шашки четвёртый и пятый братья, князь Ци, Ли Цзинда, и князь Цзян, Ли Цзиндан.

— А где же второй?

— Второй, Ли Цзинцян, умер, когда ему было чуть за двадцать. Говорят, министры очень хотели видеть его наследником, и отец Ли Цзина тоже не хотел передавать трон старшему сыну. Но, к несчастью, самый любимый, второй сын, умер, и пришлось сделать наследником старшего. Однако сам Ли Цзин постоянно отказывался от титула наследника и, взойдя на престол, провозгласил своего третьего брата, Ли Цзинсуя, наследным принцем.

— То есть, трон должен был перейти к брату?

Се И кивнул и указал на Ли Цзина.

— Правитель постоянно демонстрировал, что не желает быть императором и мечтает удалиться от дел. Он велел придворному художнику написать эту картину, чтобы показать своим братьям, министрам, всему миру и потомкам свою братскую любовь и твёрдое намерение передать трон брату.

— Вот оно что, — удивлённо протянул Сюй Чунь. — Неудивительно, что на доске только чёрные камни, и они выложены в форме Большой Медведицы. Семь звёзд Большой Медведицы — это ведь высшие звёзды на небе, символ власти императора?

— Да, — кивнул Се И. — Ты очень наблюдателен. В «Хуайнань-цзы» сказано: «Император правит четырьмя сторонами света с помощью Ковша». Расположение этих четырёх человек — это и есть порядок престолонаследия. А теперь посмотри на задний план. За ширмой — ещё одна ширма, на которой изображён известный старец. Это Цзянчжоуский сыма, Бай Лэтянь.

— А, Бай Цзюйи? — этого Сюй Чунь не ожидал.

— У Бай Лэтяня есть стихотворение «Случайный сон», — продолжил Се И. — «Оставив чарку на столе, прилёг у печки головой на руку». — Он указал на лежащего на картине поэта. — Посмотри, точь-в-точь. А это его жена: «Жена снимает шапку с головы, служанка расстилает войлок голубой». Пейзаж за его спиной тоже выражает его стремление к уединённой жизни: «Чем не ширма? Зачем рисовать древних мудрецов?».

— Правитель велел изобразить это стихотворение на ширме, чтобы показать своё желание удалиться от дел и отсутствие интереса к власти, и тем самым успокоить своих братьев.

— Похоже, он действительно доверял своим братьям, — заметил Сюй Чунь.

— Однако, — улыбнулся Се И, — в итоге его старший сын, Ли Хунцзи, отравил своего третьего дядю, Ли Цзинсуя, а затем умер от страха. Ли Цзинда долгое время болел и не выходил из дома. И после смерти Ли Цзина трон унаследовал его шестой сын, Ли Юй.

Сюй Чунь ошеломлённо посмотрел на Се И.

— Девятый братец, ты хочешь сказать, что вся эта братская любовь Ли Цзина была притворной?

— Возможно, в тот момент он был искренен, — покачал головой Се И.

Сюй Чунь замолчал.

— Эта картина — копия эпохи Сун, — продолжил Се И. — Видишь, на ней есть печать императора Сун Хуэйцзуна. Знаешь, почему при дворе династии Сун хранили такую картину?

— Почему?

— Это связано со знаменитой загадкой о «тени от свечи и стуке топора», — улыбнулся Се И. — В общем, император Сун Тай-цзун очень хотел доказать всему миру, что они со своим братом-императором были в прекрасных отношениях, и что его восшествие на престол после смерти брата было абсолютно законным.

Сюй Чунь посмотрел на Се И, чувствуя, что за его словами скрывается какой-то другой смысл.

В этот момент снаружи вошёл Цюху.

— Господин, из резиденции князя прислали человека, просят вас немедленно вернуться.

— Я же сказал, никого не принимать и всем отказывать! — недовольно воскликнул Сюй Чунь.
— Скажи, что я занят учёбой, не вернусь.

— Господин, — тихо сказал Цюху, — сегодня объявили результаты столичных экзаменов. Старший господин сдал и скоро будет допущен к дворцовым экзаменам. Почтенная госпожа велела вам непременно вернуться и поздравить его.

Лицо Сюй Чуня помрачнело. Он взглянул на Се И.

— Старший брат добился успеха, ты должен вернуться и поздравить его, — улыбнулся тот. — А мы поужинаем в другой раз. В конце концов, я сегодня пришёл только для того, чтобы подарить картину.

Сюй Чунь посмотрел на его улыбающееся лицо, затем на картину, и внезапно в груди у него поднялась горячая волна.

— Девятый братец, ты ведь специально нашёл эту картину, чтобы рассказать мне всё это? — Из-за того, что я вчера жаловался на брата?

— Возможно, иногда люди бывают искренни, — улыбнулся Се И. — Но в конечном счёте, всё решает выгода. Никогда не теряй бдительности. Ты очень умён и хорошо разбираешься в жизни, так что будь осторожен.
